

СО СКУЛЬПТОРОМ Дмитрием Филипповичем Цаплиным я познакомился незадолго до его смерти. Он принял меня в своей квартире на улице Горького. Я показываю ему свои рисунки, свои неумелые, наивные акварели. Он оценил их довольно скептически. Разговоры наши были душевные, откровенные. Он относился ко мне, молодому человеку, серьёзно, не вдавался в воспоминания и почтения, а слушал меня, интересовался, чем живёт современная молодёжь.

У него было хорошее лицо: сухощавое, простое лицо саратовского крестьянина, большой голый череп и очень внимательные, зоркие глаза, какие бывают у стрелков, землемеров или геометров. Разговаривая с ним, я чувствовал, что он несёт в себе то великое уходящее время, когда молодая революционная страна демонстрировала новое искусство, новый, космический взгляд на мир.

ВЕЧНО ВТОРАЯ СМЕНА

О «синдроме Генки Ляпишева»

В ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ советском фильме "Большая перемена" 1973 года выпуска есть такая персонаж — Генка Ляпишев. Он откровенно не хочет учиться в вечерней школе, предпочитая урокам танцульки, но всем говорит, что виноваты обстоятельства. "Ходишь-ходишь в школу, а потом — бац! — вторая смена". Мол, никто не идёт на встречу, не перестраивает график работ. Когда ему всё-таки создали условия, Генка продолжил свои вылазки на местную танцплощадку. И пока за него круто не взялись, он делал вид, что всё отлично, а учёба ему, в общем-то, не нужна. Он и так прекрасный.

Почему я вспомнила об этом герое, который, к слову, исправляется к финалу кинокартины? Он очень похож на современных людей, беспрестанно ищущих отговорки и не желающих развиваться. При том, что я говорю вовсе не о молодёжи — она-то как раз весело шурует, изучает иностранные языки, владеет компьютерной грамотностью, постоянно что-то затевает и даже читает бумажные книги. Не вся, разумеется, молодёжь, но встретить юношу с "Идиотом" или "Игрой в бисер" гораздо проще, нежели дядьку моего поколения. И не потому, что дядька всё это прочёл в свои шестнадцать... или тридцать пять. Он, дядька, скорее всего, будет мучиться уютным "синдромом Генки Ляпишева".

То есть найдёт отговорку и заявит, что "...нынче все библиотеки переоборудовали под бары и притоны, а в книжных лавочках продаётся одна Дарья Донцова". А сам придёт домой, кинет тушу на диван и начнёт стенать на фейсбуке, что "...в СССР нас просвещали и танюли к свету!". Замечу, в той же "Большой перемене" все ребята сами решают, что им нужны знания (да и не только лишь ребята, но и ровесник всех дядек мира — шофёр Леднёв в исполнении Евгения Леонова). Только многострадалец Ляпишев ноет и требует преференций. Ему для обучения нужны опоры и подпорки. Сам — никак.

Время от времени в интернете устраивают вой на тему: "Какой дрянью нас кормит телевидение!" А кто вас заставляет этот "ящик" включать? Но нет же — пялитесь, а потом рыдаете о потерянном советском детстве, где полыхали пионерские костры и рдели кумачовые галстуки. И никакой чернухи! А кто чернуху приволок? Рептилиоиды с планеты Нибиру? Или Госдеп подсыпал? Я вот очень люблю смотреть советские фильмы на Ютубе. Главное — не читать горе-комментарии после просмотра!

"Какие у нас были сюжеты — без убийств, без порнографии, а девушки все чистые, одухотворённые!" — пишет какой-нибудь лузер, до тошноты насмотревшийся тупых (действительно — тупых!) сериалов, где в каждой сцене по трупцу. Да, в тех же сериалах никакой эротики — она маркируется 18+, а потому невозможна в прайм-тайм: создатели глупеньких сериалов не такие уж дебилы, чтобы сужать круг потенциальных зрителей и "пожирателей" рекламы.

Я всегда удивляюсь: если вы такие борцы за чистоту дев и свежесть мыслей, то за каким чёртом беспрестанно цитируете каких-то эстрадных звездюлек и прочих "селебрити"? Иной раз "воины целомудрия" так много знают об извращениях, что страшно делается. И — новая отговорка: "Мы живём в безумном и гадостном (не путать с радостным!) мире, а потому должны знать врага в лицо!" О как! А не хотите ли вы знать лица художников или музыкантов? А они есть!

Человека с синдромом Генки Ляпишева затащить на выставку — невозможно. Сначала он (она) объявит, что все музеи — закрыты. Потом возопит, что 300-500 рублей за билет — чудовищно дорого. Под занавес пожалуется на нехватку сил и времени. Зато — всплывёт, что в СССР были отличные программы телевидения и... врубит "Давай поженимся" или ещё какую-нибудь медиадурь. Я как-то пыталась доказать одной даме, что московский Планетарий никто не переделал под ресторан, после чего она сменила тактику и назвала цены "...за какие-то лекции на фоне искусственного неба" черзмерными.

Сейчас — даже на фоне коронавируса — открыты музеи с интереснейшими экспозициями. Не креативный беспредел и "голые задницы", как полагают особи с синдромом Ляпишева, а, допустим, Фёдор Рокотов в Историческом или концептуальная выставка "Ненавегда", посвящённая брежневской эпохе. Страна отмечает 150-летие Александра Бенуа. Открываются книжные магазины, включая совсем уж дикие, вроде "Листы" на Чистых прудах.

Можно прочитать любую книгу или текст, кроме запрещённых законом, да и тех — минимум. В Интернете — огромное количество фильмов, передач, лекций, в том числе оцифрованных советских. Так почему же мы имеем так много людей, страдающих, что им не дают умственно развиваться? Может, хватит уже выстраивать цепочку отговорок — вам просто не хочется посещать галереи, слушать классическую музыку, учить новые иностранные языки? Так и скажите. А то — бац! Вторая смена!

Галина ИВАНКИНА

Когда я вижу конструктивистские мельниковские рабочие клубы или гаражи, эти шедевры русского конструктивизма, я думаю о Цаплине. Когда я смотрю на "Купание красного коня" Петрова-Водкина, на его Мадонн, на его "Смерть комиссара", я думаю о Цаплине. Когда я читаю Платонова, его "Одухотворённых людей", его таинственные слова, которые он складывает в таинственные фразы, облекая этими фразами таинственные смыслы, я думаю о Цаплине. Когда я слушаю музыку Прокофьева — и ту, что играет симфонический оркестр в консерватории, и ту, которая звучит в фильме Эйзенштейна "Александр Невский", — я думаю о Цаплине. Когда я читаю стихи Велимира Хлебникова о будетлянах — людям будущего, я думаю о Цаплине. Он был из их великой плеяды. И я счастлив, что через него прикоснулся к тому воспитательному времени русского авангарда, русского космизма.

Его молодость прошла в ту пору, когда таланты, окропленные священной водой революции, возникали повсюду. И каждый человек был талантлив. И он, крестьянский сын, поразил своих саратовских земляков скульптурами, которые мгновенно принесли ему славу — сначала в Саратове, а потом и в Москве.

Луначарский, умевший ценить прекрасное, отправил Цаплина за границу,

чтобы тот познакомился с мировой скульптурой. И Дмитрий Филиппович поехал сначала в Париж, а потом в Испанию: в Каталонию, а затем на Мальорку. Прекрасны и загадочны были его работы испанского периода, когда он ходил по берегу моря, смотрел на камни: серые, стальные, коричневые,

БУДЕТЛЯНИН ЦАПЛИН

красные, — а потом из этих камней создавал небольшие скульптуры животных, извлекал таинственные, притаившиеся в этих камнях существа. Его работы напоминали работы молодого первобытного человечества, которое одухотворяло окружающую его природу: дерево, глину, камень...

Эти магические скульптуры имели огромный успех на выставках, за них готовы были платить колоссальные деньги. Но Цаплин не продал ни одной из них и вернулся с ними в Россию. Здесь почти все они исчезли после смерти Цаплина, когда нуждающаяся родня продала их в частные руки. И где-то в безвестных коллекциях находится этот воспитательный цаплинский каменно-животный мир.

Он водил меня в свою мастерскую, которая помещалась подле ГУМа, где в старые времена были купеческие склады, лабазы, подвалы. В одном из таких полуподвалов стояли цаплинские, вырезанные из дерева, из камня или из мрамора, прекрасные женщины или русские простолодины: грузчики,

пахари. Среди них я запомнил восхитительную скульптуру, именуемую "Космос", где выточенный из дерева, скользящий, словно стеклянный, человек, поднял вверх руки, сложив их, как это делают ныряльщики, и нырнул в космос, нырнул в эту божественную бесконечность, как нырнул сам Цаплин. И когда я смотрю на скульптуру Гагарина, возвышающуюся на площади его имени, я понимаю, что это повторяется цаплинский прыжок на небеса.

Я посетил его квартиру на улице Горького, когда Цаплин был уже мёртв, лежал на кровати, накрытый простыней. Глаза его были закрыты тяжёлыми веками. Лоб был белый, словно из камня. Мы сидели в соседней комнате, гово-

рили о литературе, читали стихи, говорили и о чём-то житейском, простом, обыденном, ни на минуту не забывая, что там, за стеной, рядом с нами лежит великий покойник, и с ним упокоилось грандиозное русское время.

После смерти Цаплина я бывал в его мастерской. Меня поразили его скульптуры Ленина, выточенные из дерева, из огромных дубовых плах. Это был не тот Ленин, какого мы видим на площадях перед административными зданиями. Его Ленин напоминал мне другого — Ленина, нарисованного Рерихом: когда из-за тибетских гор в суровой дымке поднимается таинственное светило. Вглядываясь в него, ты узнаёшь в этом светиле Владимира Ленина, который словно выплывает из-за гор, родившись где-то далеко в мироздании.

В мастерскую Цаплина приходили известные художники, писатели, критики. Там я видел Лию Брик — маленькую, сухую, рыжеволосую, которая пришла сюда, может быть, для того, чтобы вдохнуть исчезнувшее время, в которое она царила, сводила с ума Маяковского.

Цаплин, вернувшись на Родину, не изведаль счастья творца, ему не давали хода. Его эстетика была чужда, царили другие скульпторы, создавались другие памятники другим вождям и кумирам. И Цаплин жил, окружённый молчанием официальной

эстетики, хотя дом его постоянно был полон молодёжи.

Я служил своему времени, путешествовал по миру, видел стреляющие, охваченные огнём страны, писал романы. Однажды, вернувшись в Москву, я захотел побывать в цаплинской мастерской. Меня повели туда знакомые поздней ночью — всё в тот же соседствующий с Кремлём купеческий полуподвал. Мы сидели в полутьме, и меня поразил ровный шелест и шорох, который раздавался вокруг. Я не сразу понял, что это шуршат жуки-короеды, поедающие цаплинские скульптуры, выедаая у них глаза, губы, сердце.

Изредка среди этого шороха и тайного скрипа вдруг раздавались удары кремлёвских курантов, которые отсчитывали неумолимое время — время, которое сметает народы, которое предаёт забвению имена великих художников, уничтожает великие книги и храмы.

Сегодня русское искусство, словно опомнившись, вспомнило о Цаплине, кинулось разыскивать его оставшиеся скульптуры. Найдено немного. Но поиски продолжают.

А я всё вижу это упорное крестьянское, со взглядом землемера, лицо, которое вплыло в русскую культуру в то революционное космическое время.

Александр ПРОХАНОВ

БЭТМЕН ПРОТИВ ВСЕХ!

Подавляющая графика масс-культуры Запада

ледованное Россией от Союза, с брезгливостью смотрят на комиксное искусство, не хотят заниматься этим "низким жанром". А ведь художник старшего возраста мог бы сделать произведение не только красивое по форме, но и верное по содержанию. Нравственное, доброе, чистое, патриотичное. Наши самодовольство, снобизм и следование стереотипам дорого обходятся Отечеству.

Я хочу, чтобы однажды американский преподаватель комиксного искусства спросил учеников, каких героев они знают, и услышал бы — Мальчиша-Кибальчища, Чапаева, Илью Муромца, Человека-Россию. Ради этого и запустил свой курс. Но пока наша задача — хотя бы просто осознать, что легкомысленно-пренебрежительное отношение к противнику делает нас беззащитными перед ним.

Самой глупой ошибкой было бы запрещение комиксов в России. Хотя отдельные произведения запретить следует. Или, как минимум, проследить, чтобы маленькие дети не читали истории для взрослых. Но это в Китае есть возможность запрещать к изданию те или иные серии манги, потому что в Китае — китайский интернет. А в России свобода интернета стремится к абсолюту. Запретим к изданию те или иные произведения — и подростки просто продолжат качать мангу в сети, как это и происходит сегодня.

Здесь важно заметить: в массе своей комиксы ничуть не разрушительнее той кинематографической и мультипликационной продукции, что приходила к нам с Запада в 90-е. Даже наоборот. Мало что способно переплутать разрушительное воздействие "Утиных историй", в которых каждая серия начиналась с кадров, где Скружж Макдак с удовольствием купался в своих денежках. То, что стыдно для русского и советского человека, изображалось как нечто положительное, достойное и приятное. Показательно, что в современных "Утиных историях" есть, например, однополая пара: у одной из героинь вместо мамы второй папа.

Более того. Если ребёнок в возрасте 7-11 лет смотрел такие полнометражные анимационные фильмы, как "Тайна Кoko" или "Книга жизни", то никакими комиксов можно уже не опасаться: он видел вещи пострашнее. Сегодня максимально деструктивны как раз фильмы для десятилетних. Да и главная разрушительность всей молодёжной кинопродукции — не в демонстрации жестокости и не в приучении к идее смерти, а в перестройке системы ценностей, в навязывании картины мира, где нет категорий добра и зла. Но это отдельная обширная тема.

Построение общественной комиксной индустрии — важнейшая задача ближайших десятилетий. Здесь относительно простое производство, оно дешевле кино и мультипликации, но может стать локомотивом развития для этих видов массового искусства.

На Западе работает именно такая бизнес-модель. Американский комикс тянет за собой теле- и кинофильмы, игрушки, компьютерные игры, сувенирную продукцию. Сначала супергерой обкатывается в комиксном издании. Это позволяет с минимальными финансовыми рисками определить, хорошо ли реагирует аудитория на данный бренд. Если да — запускается более тяжёлая машина кинематографа.

В Японии ситуация аналогичная, с той поправкой, что именно комиксы-манга формируют фундамент для развития индустрии аниме. Аниме — мощнейшее оружие Японии. Сильнее, чем атомная бомба. Оно завоевывает для Японии сердца миллионов людей по всему миру, распространяет японскую национальную культуру, приносит колоссальные прибыли, сравнимые с нефтяными доходами.

Почему же в Союзе комикс не получил развития.

На самом деле, это загадка истории. До сих пор в сознании множества наших соотечественников живёт странный миф о глупости комиксов, об их низкосортности. Это ошибка. Комиксы — мультипликация на бумаге. Нарисуйте умный и добрый мультфильм (например, про ёжика в тумане) — получите умное и доброе произведение. А если вы к добру не стремитесь, то ничто не мешает вам нарисовать тупой и злобный мультяк, например, про дятла Вуди.

Комикс — это художественная форма. Она не может быть плохой или хорошей. Глупо было бы отрицать всю мировую живопись только потому, что некоторые художники писали портреты Гитлера. То же и с данным предрассудком.

Но противникам нашего Отечества этот миф крайне выгоден: до тех пор, пока мы относимся к

хотели разобраться, чему же я буду учить их детей, и что это за зверь такой — комиксы.

Первым делом я спросил ребят, каких героев комиксов они знают. Дети обрадовались, стали наперегонки поднимать руки и называть супергероев. Кого-то я знал по долгу службы. Супермен, Человек-паук, Капитан Америка (его вспомнил вторым или третьим, что показательно), Бэтмен, Робин, Дэдпул (зачем этот похабник детям — непонятно), Джокер, Женщина-кошка, Росомаха, Тони Старк Железный человек, Человек-муравей, Чёрная Пантера, Чёрная вдова, Циклоп, Халк, Мангто, Сорвиголова, Серебряный Серфер, Псайлок, Черепашки-ниндзя. Семилетние дети знают, как зовут тёткушу Питера Паркера и как зовут его возлюбленную. Некоторые супергерои стали открытием для меня (Песочный человек, Кожаноголовый).

Мамы выглядели озадаченно — похоже, большинство имён оказались для них неизвестными. Затем я спросил ребят: кто такой Мальчиш-Кибальчиш? И повисла мёртвая тишина. Русские дети не знают, кто такой Мальчиш-Кибальчиш.

Я спросил их родителей — вы видите, что происходит? Как вы думаете, почему так? Почему наши дети так плотно погружены в чужую культуру? Родители косячищею покачали головами и высказались в том смысле, что вот, мол, мы виноваты, не смогли противодействовать чужому влиянию. Но здесь родители неправы: они не виноваты, просто у них маловато сил, чтобы противодействовать индустрии.

Просто представьте себе. На протяжении более чем сотни лет миллионы людей строили инду-

горизонт планирования. Горизонт планирования в компьютерной игре — полчаса-час. Примерно столько времени требуется игроку на выполнение миссии. Горизонт планирования в рисовании комикса — месяцы. Рисуя комикс, подросток учится планомерно и упорно идти к цели, фокусироваться на ней, правильно организовывать свои ресурсы. Когда-то этому учили, например, кружки авиамоделлизма.

Вред от чтения комиксов возможен в двух случаях. Первый случай — когда ребёнок не читает ничего, кроме комиксов. Правда, если ребенок вообще ничего не читает, а только играет на компьютере и смотрит видео, то комиксы могут дать ему возможность читать хоть немного, хотя бы короткие фразы. Второй случай — когда комиксы для ваших детей рисуют чужие люди за океаном. Вы не знаете этих людей, не знаете их целей, но через комиксы, игры и мультфильмы они оказывают огромное влияние на ваших детей. И это влияние может оказаться не вполне положительным.

Проблема ещё и в том, что если человек не привык к избирательному языку комикса и к его навигации в юном возрасте, то ему будет очень трудно читать комиксы в возрасте зрелом. Поэтому сегодня многие родители в России оказываются просто не в состоянии читать те комиксы, которые воспринимает их дети. По сути, формируется закрытый от родителей канал влияния на подростков. Особенно это актуально в случае с японской мангой.

Вот цена пренебрежительного отношения к искусству комикса. Взрослые художники, получившие крепкое художественное образование, унас-

Автор — руководитель студии «Арктодус» (arktodustudio.ru)

Максим МАРКЕВИЧ